
Ольга ВИКТОРОВА

СТАРОМУ

Двери скрипом играли ноктюрн на просевших петлях,
Рамы битым стеклом собирали сияние неба.
Там с полвека уже не водилось ни соли, ни хлеба,
Там с полвека не мерили время ни в днях, ни в рублях.
Там сквозняк щекотал половицы. Стояли часы.
Молчаливо о чуде столетние книги молились:
Может, время наступит, еще б и онигодились,
Только вот уберечься бы им от вечерней росы...
Глубоко и надолго уснула беленая печь,
Но дыханием гулким уже не пугала и мыши.
Просыпайся. Очнись! Пока свет еще пляшет по крыше,
Пока толику этого все еще можно сберечь.

ПРОСТЫМИ СЛОВАМИ

Давай я простыми словами? —
Без лирики лишней в куплете.
Я мало что помню о маме,
Как все нежеланные дети.
Сейчас, на четвертом десятке,
Все ясно, как дважды четыре:
Моя в перемычках кроватка
Стояла у деда в квартире.
В серванте хрустальная ваза
И Пушкина тридцать три тома.
Мне стало понятно не сразу,
Что это далекое — «дома».
И самые горькие слезы
Ночами мочили подушку.
Пусть горе и не было «взрослым»,
Но рядом был дед. И был Пушкин.
И снилась мне Лебедь-царевна
(Которая будто бы мама).
Приедет за мной непременно,
Я верила в это упрямо.

Ольга Сергеевна Викторова родилась в 1984 году в Воркуте. Высшее управленческое образование. Дебют состоялся в художественном журнале «Арт» (2023). Участник республиканского семинара молодых авторов в Сыктывкаре. Публиковалась в литературных альманахах «Белый бор» (2023) и «Заполярье» (2023). Живет в Нарьян-Маре.

И так не хотелось проснуться!
...Четвертый десяток — не время?
Порой нам так важно вернуться
К тому, что мы в детстве не ценим.

МАРТОВСКОЕ

Подморозило. Переменчиво.
Озираясь, балует ясное.
И машины воркуют встречные,
Черно-бело- и — разно-красные.
Подморозило. Белым инеем
Окна старых домов подернуты,
Их могучие тени длинные
От звенящих лучей отвернуты.
Подморозило. А по лужицам
Дети корку, смеясь, растрескали.
И забавится им, и дружится,
И играет в дни прелестные.
Подморозило. Мартом дышится,
Вопиюще- и ярко-утренним.
И едва уловимо слышится
В каждом встречном ребенок внутренний.

МАМОЧКА

А ты не помнишь? Я вот помню, мамочка,
Как ты меня из садика везла
На старых-старых разноцветных саночках,
На тех, что нам соседка отдала.
А ты не помнишь? Я вот помню искорки
Снежинок, заблудившихся в платке.
И ветер помню северный, неистовый,
И огоньки оконцев вдалеке.
Тетрадок стопку, каждый вечер новую,
И у настольной лампы словари.
И книгу сказок. Перед сном. Знакомую.
Ну, да и пусть же! Мама, повтори!
Беленой печи жар. По воду валенки
На босу ногу, скоро со двора...
А ты не помнишь?
Это я!
Я — маленький!
...Я помню это. Будто бы вчера.

* * *

Можно долго смотреть, как река течет.
«Лягушат» пускать, или как их там? —
Если с плоским камешком повезет,
Раз-два-три — и попрыгает по волнам.
Можно слушать, как птицы поют кругом.
Комары звенят, ну а как без них?
Задремать над закинутым поплавком,
Если солнце низко, а ветер стих.
Разномастным густящимся облакам
Имена безответственно раздавать.
Помахать проплывающим рыбакам
(Ты попробуй! А весело так махать!).
Берег. Ты. Река. Никаких дилемм.
Может, чай с печеньками в рюкзаке.
Если вдуматься, счастье доступно всем.
Всем, кто знает, что можно прийти к реке.

* * *

Ты научил меня не врать,
Не врать самой себе.
Живя, отчаянно желать
Три счастья по судьбе:
Чтоб рядом крепкое плечо
И дети за спиной,
Тогда на сердце горячо,
А на душе — покой.
Ты научил меня не врать,
Не врать себе самой,
Держать удар и принимать
Удар. И снова в бой!
Учил любить и ощущать
Чужую боль нутром.
И делать! Делать! Да, опять!
Без «завтра» и «потом».
Всегда — всегда! — в глаза смотреть
И для себя решить
Сейчас, единожды и впредь,
Какой хочу я быть.
Чего же ждать от той меня,
Что не умеет (да! —
Вот так, до нынешнего дня!) —
Прощаться навсегда?

СУП БЕЗ СОЛИ

Суп без соли, без сливок кофе —
Пресно, горько, но нет забот.
Все без всех в самом деле — могут,
Могут, правда... Да только вот
Лучше в зеркало. Выкинь паспорт,
Он считает не ту весну.
Суп без соли? Вот так бы сразу...
Проревись. К твоему рассказу
Дай-ка горькой тебе плесну.
Если рядом, то крепче спится.
Если близко, терпима боль.
Породнились — не разродниться.
Придышались — не разлучиться.
Кофе — сливки. И суп, и соль.
Прямо в зеркало. И по-русски,
Без лукавства, себе самой:
Всем без всех в самом деле — пусто.
Два гудка: «Я спешу домой».

* * *

Сшей мне платье, портной,
На прием во дворец
(Говорят, мы бывали там прежде),
Чтоб меня не нагой
Лицезрел бы Творец.
Неуютно стоять без одежды.
Сшей мне платье, портной,
Из зимы, из пурги,
Из метели нежданной-незваной.
Чтобы мне — с головой,
И не видно ни зги,
Что в душе там моей окаянной.
Пусть укрыта зимой
Будет каждая пядь —
Вот тогда я и буду довольна!
Сшей мне платье, родной,
Перед Богом стоять,
Чтобы каяться было не больно.

* * *

В осторожном дыхании осени
Мне как будто печальное чудится.
Дерева еще листья не сбросили,
И трава по земле не простудится.

В ясном воздухе сладость тягучая.
В бездождливую пору осеннюю,
Будто душу свою отдающее,
Над землею парит Воскресение.
И неслышно взбиваясь перинами,
Где-то в небе таится прохладная,
Неизбежная, необратимая
Обнаженья пора безотрадная.

В ЭТОМ БЕЛОМ

Там, в этом белом, что-то
Спутало мыслей ясность,
Солнце на небо, в праздность,
Выкатило в субботу.
Что-то — спугнуло ветер,
Он и затих в печали.
Ели его качали
В такт через две на третью.
Ярче вспылали краски.
Землю засеребрило.
Там, в этом белом, было
Тихо и так прекрасно!
Медленно просыпалось
И разлилось повсюду:
Там, в этом белом, Чудо,
Чудо на свет рождалось.

ЧТО НОЯБРЬ, ЧТО АПРЕЛЬ

Что ноябрь, что апрель — все едино.
Снегодождь налип на ветви ольхи.
Под ногами чаще лужи и льдины,
Острова сырой белесой трухи.
Что ноябрь, что апрель — те же мухи
В свете желтых фонарей сверху вниз.
Сизым веком задремавшей старухи
За окном моим трепещет карниз.
На ветру скрипят седые отливы.
Может, снится что, поди ж разбери...
Не апрельские звучат лейтмотивы,
По-ноябрьски скулят фонари.
Что ноябрь, что апрель — замечает
Тротуары, крыши, лавки, дворы.
Благосклонно с неба утро взирает:
«До поры. Ты обожди до поры...»